

Читатели «Казахстанской правды» С. Сарсенова (село Уч-Арал Талды-Курганской области), К. Ибраев (Целиноград), С. Попов (Караганда), интересующиеся искусством, просят нас рассказать о жизни и творческой деятельности народных артистов СССР Л. Зыкиной.

Е. Серкебаева, Р. Баглановой и других видных певцов, музыкантов, артистов драмы и оперы.

Выполняя эти пожелания, очерком «Признание в любви» редакция открывает на своих страницах новую рубрику «Мастера советского искусства».

3 ТО БЫЛА удивительная встреча — первый большой концерт лауреата Ленинской премии Людмилы Зыкиной в Москве после присвоения ей почетного звания народной артистки СССР. И состоялся он тоже в не совсем обычный день — в день рождения певицы.

Перед концертом мы с Людмилой

2 ботала, училась в вечерней школе, пела в заводском клубе. И работала, и пела — все с душой! Однажды прочитала: «Хор Пятницкого объявляет конкурс-набор...».

— Давай, Людка, попробуй! — подбили подружки.

Пошла. И кто бы мог подумать: из четырех тысяч прослушанных автори-

3 ной, стоящей у знакомой березки или идущей тропинкой по лугу, среди трав, отяжелевших от росы. Именно такой запомнилась она мне во время нашей недавней встречи. И подумалось: наверное, еще и потому с таким проникновением Зыкина передает музыкальную глубину образа, что умеет слышать тончайшие голоса природы —

Да, вот именно «как будто». Может показаться, что ей все дается легко. На самом же деле годы упорнейшего труда ушли на то, чтобы добиться ни с чем не сравнимого воздействия на слушателей, достичь такого проникновенного звучания голоса, такого богатства выразительных средств, когда шуточная скороговорка соседствует с широким, вольным распевом, тончайшая лирика с глубоким драматизмом.

И теперь, уже став лауреатом Ленинской премии, артистка не позволяет себе никаких скидок. Скорее напротив — стала еще требовательнее к себе.

Мне пришел на память разговор с виртуозом-балалаечником Михаилом Рожковым, который бывал вместе с Людмилой Георгиевной в концертных поездках по нашей стране и за рубежом, иногда в составе квартета аккомпанировал певице. «Зыкина — это, конечно, могучий талант, но в моем представлении это прежде всего великая труженица, — сказал он. — Я не помню случая, чтобы она перед концертом не репетировала песен, хотя бы и пелых сто раз, отыскивая оттенки, нюансы, внося порой совершенно неожиданный колорит. Часто, находясь в одной с Людмилой Георгиевной артистической комнате, я имел возможность исподволь наблюдать, как она работает, как вживается в песню, старается вернуть первоначальную свежесть и глубину запетой, заигранной песни, стремится постичь все сокровенное, что в ней заключено. А что это за чудесный человек! — все более оживлялся мой собеседник. — Нет, она совсем не добренькая, она очень строга и к себе, и к другим. Но в ней есть та мудрая и сдержанная простота, которая в соединении с душевностью, с заботой о товарищах неизменно делает ее любимницей коллектива. Просто диву даешься, как умеет она располагать к себе людей! Японский хор, к примеру, был весь в нее влюблен, танцевальную группу хора она учила водить хоровод. Во время пресс-конференции Зыкина умеет совершенно обезоружить дотошных журналистов тактичным ответом, милой улыбкой, тонкой шуткой...»

...В самом конце этого чудесного вечера певицу поздравляли с днем рождения. Преподносили цветы, говорили добрые, сердечные слова:

— Позвольте, Людмила Георгиевна, признаться, что мы Вас очень любим... — взволнованно говорил начальник Центрального Дома Советской Армии. — Вы верный друг солдат. Им очень помогают Ваши песни. Мы все гордимся тем, что первые свои концерты Вы начинали здесь, в этом вот здании. Спасибо, что не забываете нас и теперь.

Людмила Георгиевна стояла на авансцене, смущенная, растроганная.

— Спасибо... Большое спасибо! А теперь давайте споем вместе. — И начала: — «Издали» долго течет река Волга...».

Зал дружно откликнулся. Спели всю песню. И как спели!

Погасли огни рампы. Зрители расходились с концерта в самом радостном, праздничном, едва ли не счастливом настроении.

И вспомнилась недавняя прогулка с Людмилой Георгиевной по Котельнической набережной. Она перед этим репетировала с баянистами, а потом предложила прогуляться. И тут я еще раз убедилась, насколько велика популярность актрисы. Ее мгновенно узнавали, ей улыбались, здоровались, благодарили за песни, провожали взглядами, полными восхищения.

В разговоре я спросила Людмилу Георгиевну, какие у нее ближайшие поездки.

— Две, большие и дальние, — ответила певица. — В Америку и Казахстан. И там, и там уже была дважды. В Казахстан еду с большим удовольствием. В памяти сохранились незабываемые впечатления от теплых встреч, особенно с тружениками целины. Для них я не раз пела и специально по радио — по их языкам. Так что мы — старые знакомые.

...Я приоткрыла дверь в артистическую комнату. Зыкина сидела у окна, подперев руками подбородок. По теньям усталости под глазами, по какой-то отрешенности взгляда я поняла, что у артистки нет сейчас сил ни радоваться, ни говорить, ни принимать поздравления. Всю себя в этот вечер она отдала песне, как, впрочем, безраздельно отдаст ей свой постоянный, ежедневный труд и высокое вдохновение.

А. ХАРИТОНОВА.

Признание в любви

Георгиевной перекинулись лишь двумя-тремя фразами. Сосредоточенная, внутренне собранная, подтянутая, она уточняла что-то с дирижером. Оставив за незримым порогом все житейское, преходящее, случайное, артистка уже вся была в песенной стихии.

Для Зыкиной, видимо, этот концерт был и своеобразным отчетом, и праздником, и более всего — серьезным разговором о жизни, об отношении к искусству, о долге художника перед народом.

Разговор о жизни на концерте певицы? Предвижу чье-то недоумение. Да, да. Разговор серьезный, творческий, с полной мерой уважения и доверия к слушателям. Своей песней артистка как бы присягала Родине, мужеству, добру, рассказывала о судьбах народных, о себе, о том, что ее волнует, радуется, огорчает.

...Она вышла на залитую светом сцену. Поклонилась, приложив руки к груди, улыбнулась знакомой улыбкой. Величавая, статная, наряд (вышитая кофточка, русский шелковый сарафан), открытый, искрящийся вдохновением и мыслью взгляд ее темно-карих глаз, пышные, собранные в пучок и перехваченные лентой волосы, манера кланяться — все было преисполнено прекрасной значительности, женственности и обаяния.

И подилась песня. Откуда-то издали, едва слышно, а потом все сильнее, сильнее. И вот уже в тишине, взволнованной, напряженной, широко, привольно звучит родниково-чистый голос: «Лишь ты могла, моя Россия...» С покоряющей сердечностью пела Зыкина: «Ты, Россия моя, с чем тебя мне сравнить... Без тебя мне не петь, без тебя мне не жить...».

Прозвучала песня «Есть на Волге утес», «Вот мчится тройка почтовая», «Вниз по Волге-реке», «Степь да степь кругом...» Казалось, все, о чем она поет, артистка узнала только что и рассказывает нам, слушателям, открывая что-то новое для себя и для нас, помогая лучше понять и оценить современность.

И тепло на сердце, когда раздолбный и сильный голос, отдаваясь красоте напева, то замирая от ощущения высоты полета, то опускался до бархатных, грудных звуков. Перед нами была вундича рязанской бабки Василисы — и... королева русской песни, как ее величают за рубежом. (К слову сказать, Зыкина с блеском ставит русскую песню и ее создателя — наш народ: она гастролировала более чем в двадцати странах).

— «Оренбургский пуховый платок». Слова Виктора Бокова, музыка Григория Пономаренко, — сама объявляет певица.

Зал затихает в ожидании. И хотя почти все знают эту песню, в исполнении Зыкиной она каждый раз — открытие. Может быть, потому, что ей самой в этой песне слышится много личного. И та старенькая мать — это не ее ли Екатерина Васильевна — нежная, добрая, ласковая мать, которой уже нет в живых? Может быть, в этот вечер вспомнила она, как плакала мать от счастья, узнав, что Людмила будет петь в хоре имени Пятницкого, плакала и приговаривала: «Так высоко поднялась ты, доченька, как и не мечталось...».

Да, ученица токаря подмосковного завода имени Орджоникидзе, Люда Зыкина не мечтала стать певицей. Ра-

Народная артистка СССР
ЛЮДМИЛА ЗЫКИНА

тетным жюри зачислены были три парня и она, Зыкина.

И начались для Людмилы дни большой учебы. Только она одна знает, сколько песен, мелодий перепела, выпестовала, постигла умом, пропустила через свое сердце. Признание пришло в 1960 году: на конкурсе артистов эстрады она заняла первое место.

...А зал тем временем взрывается аплодисментами. На сцену поднимается убежденный седой мужчина. Он накидывает на плечи певицы белоснежный, прозрачный, как кружево, пуховый платок. Взволнованно говорит:

— Примите, пожалуйста, этот дар любви и поклонения от нашей семьи. Людмила Георгиевна благодарит за подарок. Исполняет «Снег седины». Песня звучит как гимн тем, кто шел в бой за нашу землю, гимн ветеранам войны. Мелодичность и драматическая напряженность, простота и величавость песни находят благодарный отклик в сердцах слушателей. Лица их сосредоточены, задумчивы. У многих на глазах слезы. На сцену поднимается седой полковник. Вся грудь его в орденах.

— Примите от ветеранов, — подает он певице огромный букет пионов. — Мы всегда восхищаемся Вами...

А за открытыми настежь окнами зала — мягкая тишина вечера, летит, летит тополиный пух, словно снег на солдатские могилы.

По просьбе слушателей Людмила Георгиевна спела любимейшие народные песни: «Рябина», «Ивушка зеленая», «Лен», «Оборвалась тропинка у обрыва». Не знаю, конечно, кто как, но я в эти мгновения воспринимала Людмилу Георгиевну не артисткой, завоевавшей всенародное признание, покорившей своим искусством почти весь мир, а простой русской женщи-

ной, стоящей у знакомой березки или идущей тропинкой по лугу, среди трав, отяжелевших от росы. Именно такой запомнилась она мне во время нашей недавней встречи. И подумалось: наверное, еще и потому с таким проникновением Зыкина передает музыкальную глубину образа, что умеет слышать тончайшие голоса природы —

шепот сосен и шелест берез, журчание ручья, еле слышимый всплеск реки, умеет чувствовать краски утренних зорь. Умеет трудиться: и грядку вскопать, и пошить что-либо немудреное, и испечь-сварить мастицу. «Я с удовольствием отдыхаю за простой работой. Люблю рыбалку. Особенно ранним утром...», — как-то говорила мне Людмила Георгиевна.

Большую часть года певица живет под Москвой. «Мил мне этот уголок. Здесь легко дышится и, как говаривала моя мама, скорее работается», — признавалась Зыкина, когда мы беседовали у нее на даче. Прямо под окнами деревянного дома раскинулся сад. Сияло солнце. Согретые его полуденными лучами, как бы разморенные, дремали яблони. А вдаль виднелась тропинка, ведущая в сосновый бор. «Дороги мне эти места, — продолжала Людмила Георгиевна, — напоминают детство. Я ведь родилась и выросла в подмосковной деревне. Мама моя тоже из деревни. И первые свои песни спела я в полях да в лесах, когда с подружками бегала по грибы, по ягоды. И первые мои, громко говоря, выступления были здесь, под Москвой, в госпитале. Мама там санитаркой работала. Прибегала я к ней, пела для раненых, играла на гитаре, а потом, осмелев, и четку отбивала. Любили войны слушать нас, ребятишек. И для меня были радостными эти часы общения с ними. В каждом из них виделся мне отец. Он тоже был на фронте. Все, связанное с детством, я помню до мельчайших подробностей. И песни все, что пели у нас в семье, помню и пою до сих пор. Пели мы звонко, голосисто. Не поддавались ни нужде, ни горю. Всегда живы воспоминания детства».

Концерт продолжался. Певица исполнила несколько старинных песен: «Сронила колечко», «Не велит Машенька за реченьку ходить», «Уж ты, сад, ты, мой сад», «Ах, долга ты, ночь», «Матушка, что во поле пыльно?». И виделась русская заплаканная девушка с тяжелой косой, и то, как девушка благословляют, и молятся матери смиренно, подчиниться судьбе, и свадьба с нелюбимым, и слезы, горячие слезы обманутых надежд...

— «Созвездие Гагарина». Музыка Пахмутовой, — объявляет ведущий.

Все мы будто увидели и услышали новую Зыкину — артистку большой драматической глубины. Удивительно строго она поведала о яркой жизни Юрия Гагарина, его подвиге и бессмертии. Голос звучал звонко и чисто, когда она говорила, каким был он парнем, то будто изнемогал от непомерного горя, порой превращался в идущий из глубины сердца вздох, стон. Какое же нужно самообладание, какая выдержка, чтобы на нужной ноте донести этот музыкальный памятник герою до слушателя, чтобы не дрогнуть, не сорваться, когда почти рыдает весь зал...

Мне не раз доводилось наблюдать, как хорошая песня сближает людей, пробуждает родственные чувства — стремление, чтобы радость, испытанная тобой, была разделена и другими. И сейчас я видела и слышала, как, аплодируя, восхищенно переглядываясь, переговаривались между собой совсем незнакомые люди: «Какова, а?», «Редкий талант!», «И как свободно, легко поет, как будто песни сама льется!».